

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-4-76-89>

Гендерология в проблемах и перспективах развития этнологической науки

Х. Г. Тхагапсоев

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия
gapsara@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблематике развития этнологии в рамках современной методологической парадигмы социально-гуманитарного познания. В этом контексте особое внимание уделено потенциальной роли идей, принципов и познавательных методов гендерологии в развитии этнологической науки, включая также и пере-прочтение накопленных в прошлом этнологических знаний. На ряде примеров продемонстрировано принципиальное различие в интерпретациях одних и тех же феноменов культуры в рамках этнологии (этнографии) и с позиции гендерологической науки, считавшиеся привычными феномены этнических культур здесь предстают в новом свете, требуя переосмысления, пере-интерпретации, переоценки. Это касается традиций гендерных отношений, форм и норм публичной коммуникации мужчины и женщины, статуса мужчины и женщины в культуре, интерпретации культурно-символического мира этноса, а также социально-смысловых измерений этно-художественной литературы, в том числе и в ретроспекции.

Ключевые слова: этнос, культура, этнология, гендер, пол, социокультурный пол, гендерные отношения, гендерная асимметрия, гендерология, культурология, этногендерология, этнолитературоведение

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам за указанные замечания, которые позволили повысить качество статьи.

Для цитирования. *Тхагапсоев Х. Г.* Гендерология в проблемах и перспективах развития этнологической науки // Доклады АМАН. 2022. Т. 22, № 4. С. 76–89.

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-4-76-89>

© Тхагапсоев Х. Г., 2022

Original article

Genderology in the problems and prospects of the development of ethnological science

Khazhismel G. Tkhangapsoev

*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia
gapsara@rambler.ru*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract. The article is devoted to the problems of the development of ethnology within the framework of the modern paradigm of human sciences and scientific and humanitarian knowledge. Particular attention is paid to the potential role of ideas, principles and cognitive methods of gender studies in the development of ethnological science. A number of examples demonstrate the fundamental difference in the interpretation of the same phenomena of culture and gender existence of the Caucasian ethnic groups within the framework of ethnology and from the point of view of genderology. It is emphasized that when considered on the basis of genderology, the usual phenomena of ethnic cultures appear in a new light, requiring re-reading, rethinking and re-evaluation. This concerns the meanings and genesis of traditions, forms and norms of public communication between men and women, the status of men and women in culture, the interpretation of the cultural and symbolic world of an ethnic group, as well as the social and semantic dimensions of ethno-fiction, including in retrospect.

Keywords: ethnos, culture ethnology, gender, gender, sociocultural gender, gender relations, gender asymmetry, gender studies, cultural studies, ethnic literary criticism

Acknowledgments: the author are thankful to the anonymous reviewer for his valuable remarks.

For citation. *Kh. G. Tkhagapsoev* Genderology in the problems and prospects of the development of ethnological science. *Adyghe Int. Sci. J.* 2022. Vol. 22, No. 4. P. 76–89.

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-4-76-89>

© Tkhagapsoev Kh. G., 2022

К постановке проблемы

Вероятно, можно по-разному оценивать роль и значимость советского этапа в нашей истории, в ту пору в жизни одного поколения подвергся слому практически весь уклад жизни и культуры каждого этноса, а ряд этносов-еще и массовым репрессиям. Но все же именно советская система обеспечила невиданные доселе формы, масштабы и темпы развития российских народов и их культур. Обширный список достижений этого периода включает модернизацию всех аспектов социально-политического и экономического бытия этносов и создание такой инфраструктуры, о которой этносы прежде и мечтать не могли – обширную сеть школ, университетов, НИИ, театров, филармоний, музеев, библиотек, творческих студий искусства и систем коммуникаций в пространстве каждого этноса. И этот список по праву должен быть дополнен феноменом, значимость которого трудно переоценить. Речь идет о становлении особой отрасли науки – этнографии, нацеленной на всеобъемлющее познание этноса и его самопознание. А история Кавказа сложилась так, что ее этнография восходит к известным едва ли ни всему миру наблюдениям и гуманистическим толкованиям кавказского быта, нравов и культур в гениальных творениях А. Пушкина, Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Но надо отдать должное и нашим этнографам старшего поколения, действуя в узких рамках вспомогательного раздела исторической науки (народоведения, как его тогда именовали), изучающего быт этноса, они добились серьезных успехов в описании, реконструкции, систематизации и кодификации наших традиционных культур [1-4]. Особая заслуга этнографии – собрание, сохранение и изучение фольклора наших народов, неценных богатств музыкального фольклора и Нартского эпоса.

В 90-е годы в контексте глобальных перемен в жизни страны был взят курс на трансформацию этнографии в самостоятельную научную дисциплину «этнология». Это означало, что наука об этносе выходит на новые рубежи развития, обретает новую масштабность. Ведь этнология в отличие от этнографии должна являть собой сферу междисциплинарного познания, соотносящую этнос и его бытие не только с антропологией, историографией и филологией (как было в этнографии), но со всем спектром наук о человеке и социуме от социологии и политологии до психологии и педагогики, поскольку она призвана изучать в отношении этноса весь спектр социальных процессов (от этногенетических до цивилизационных). Это, в свою очередь, предполагает опору этнологии на современные теоретико-концептуальные и методологические идеи науки, в числе которых теория систем, социальная синергетика, информационно-семиотические теории культуры, принципы междисциплинарных исследований социума и культуры. Соответственно, знание об этносе и его бытии более не может быть лишь описательной, и повествовательной, оно должно стать аналитичным, объясняющим (как в социологии), по меньшей мере, интерпретирующим на основе аргументов.

Поначалу (на рубеже 1990–2000 годов) казалось, что эти идеи нашли восприятие и отклик в этнологии. Появились попытки проецирования социальной синергетики на этногенез; креативных идей концептосферы и семиосферы, на осмысление особенностей этнических культур и языков; родилась идея кавказской локальной цивилизации. О подъеме этнологии в ту пору говорят сами темы статейных публикаций и монографических изданий тех лет: синергетическая концепция этноса — постановка проблемы [5]; этносоциальная эволюция — синергетический аспект (6); культурные концепты в адыгской языковой картине мира [7]; семиозис кавказской поэзии как форма объективации культурного сознания в советскую пору [8]; концепт ночи в адыгской традиционной культуре [9]; лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентификации Кавказа [10]. Но, увы, эти новые идеи, взгляды и подходы к изучению бытия и культуры наших этносов не получили активного продолжения и должного развития [11].

Между тем, в последнее время развивается еще одна отрасль науки и научной методологии, которая адресуется этнологии — гендерология, которая посвящена проблематике пола, а точнее гендера (социокультурного пола), во всех его измерениях: личных, бытовых, психологических, культурных коммуникативных [12, 13]. При рассмотрении через призму гендерологии привычные и, казалось бы, устоявшиеся этнографические знания, предстают в новом свете. С учетом этих обстоятельств наш дискурс посвящен показу роли и возможностей гендерологии, ее идей и методов в процессах развития этнологии в духе времени и его требований к науке, научному познанию.

Кавказское этносоциальное бытие в оптиках этнографии и гендерологии

Гендерология характерна тем, что воспринимает и интерпретирует все и вся в жизни социума с особых позиций, с позиций соотносительности мужчины и женщины с каждым аспектом и процессом бытия и культуры. Прежде всего, с позиций их равенства и неравенства в культуре и социальных отношениях.

Разумеется, в этнографии (теперь в этнологии) всегда сознавали и сознают, что культуру и социальное бытие творят два несхожих субъекта, мужчина и женщина (Он и Она), что неизбежно порождает вопросы о роли и значимости их отношений в социальном бытии и культуре, а также о различиях и нюансах половой специализации в социальном и культурном творчестве. Но в гендерологии подход к этому вопросу принципиально иной, здесь гендер (фактор пола) рассматривается как универсальная мера бытия и особая форма социальных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями: проти-

воречиями, конфликтами, кризисами, трансформациями и даже революциями. Именно подобное широкое понимание гендера и его роли в социокультурной системе обеспечивает гендерологии эффективность и высокий методологический потенциал, проливающий новый свет в познании этноса. Остается разве что добавить, самобытность кавказских культур явно взывает к проецированию на них гендерологии и ее «оптики», обещая, по меньшей мере, «иное виденье», того, что давно кажется и считается в этнографии известным, незыблемым, само собой разумеющимся [14].

Обратимся, прежде всего, к тем особенностям гендерного бытия кавказских этносов, которые чаще всего на слуху. Здесь на первом плане детальная регламентация аспектов публичной коммуникации мужчины и женщины: от форм пространственных диспозиций (кому быть справа, а кому слева, кому впереди, а кому приотставать на шаг или два) до этики и деталей «поведения на людях». Получается, наша этнография видит и трактует гендерные отношения прежде всего в плане норм регламентации жизни этнического социума, т.е. через призму приличия, благопристойности, одобрения или неодобрения в социуме. С позиции же гендерологии эти критерии мало что говорят об отношениях Он–Она; они скорее искажают, приукрашивают их. В отношениях Он–Она куда важнее свобода чувств и доверительность этих отношений, неприкосновенность личного пространства. Но самое главное в том, что для гендерологии проблемы коммуникации не исчерпываются так ценными в этнографии сценариями этикетно-чопорного общения на людях. По ее представлениям арсенал коммуникации и ее культурное измерение куда шире, включает также «язык тела» (язык танцев), музыку (язык музыки) и конечно же, костюм, который имеет собственный красноречивый язык, к чему мы еще вернемся. А пока обратимся к ключевому и непреходящему интересу гендерологии – к «статусу полов» (мужчины и женщины) в культуре и социальном бытии этноса.

Для этнографии «здесь все ясно, поскольку все задано самой традицией». Ведь традиции для этнографии играют ту же роль, что и аксиомы в математике, они не подлежат сомнению, задают базовые знания об этносе. А наши традиции (точнее сказать, некогда заданные ими нормы), как известно, отводят мужчине главную роль в кавказском культурном бытии.

Однако гендерология, будучи аналитичной и скептической наукой, не согласится со ссылками на традиции и потребует подтверждающих фактов, ведь она для оценки статуса мужчины и женщины в культуре ориентируется не на мнение этнографии или носителей культуры, а лишь на факты, на реально наблюдаемый баланс культурных (и прочих социальных, трудовых) прав и возможностей мужчин и женщин в рамках данной культуры. В этом плане в наших культурах не все просто и однозначно. Пример, организация брака. В пространстве наших культур женщина (девушка), на первый взгляд, буквально выходит замуж, покидает свою семью (дом, род) и переходит к мужу, в его дом, семью. Но дело в том, что возможен и иной вариант выхода замуж. Женщина может (особенно при повторных браках) позвать мужчину в свой дом, в свой род (т.е. выйти замуж «не выходя»). И это воспринимается как норма брачной стратегии женщины. Однако для мужчины такой брак сродни потере репутации. Так что, с позиции гендерологии в такой важной сфере бытия, как организация брака, возможностей выбора у кавказской женщины больше, чем у мужчины. Но гендерология здесь не остановится, по ее логике вопрос о браке столь важен, что подлежит рассмотрению в контексте всех форм и норм традиций, регулирующих жизнь социума. А в этом плане серьезную роль играет «институт старших», «старший мужчина» и «старшая женщина» в семье (в роду). И внимательному, тем более, критичному взору здесь (в функциях и действиях института старших) откроются

нюансы и парадоксы. Дело в том, что власти старшего мужчины и старшей женщины действуют не в унисон, как негласно полагает наша этнография, здесь полно нюансов. Старший мужчина явно стоит на страже заведенного традициями порядка и действует «канонически» на сплочение членов рода (семьи), отражение нежелательных действий извне, на сохранение доброго имени и репутации рода. Старшая же женщина действует во многом иначе (почти полярно). Ведь ее власть в «предельном выражении», т.е. в самых значимых функциях следует линии открытости рода внешнему миру, другим родам (и сама старшая женщина всегда «из другого рода – племени»), на наведение с ними «мостов дружбы и мира». Характерно, что именно на «старшую женщину» традициями культуры возлагается особо сложная миссия, право и власть на прерывание и урегулирование опасных для рода конфликтов и распри вплоть до «прощения крови» (через известные ритуалы припадания к груди старшей женщины или «платочно-косыночные ритуалы» замирения враждующих сторон, лиц). Да, сегодня все решает суд. Но мы ведем речь о былых канонах традиций, их установлениях.

Если учитывать эти обстоятельства, гендерная ситуация в кавказских культурах вопреки тезисам этнографии и расхожим в массовом сознании представлениям обретает иной характер. У женщины, как видим, больше свободы в выборе модели брака и семьи; больше прав в принятии критически значимых для рода (этноса) решений. В процессах повседневной жизни и семейного быта власть женщины такова, что она доминирует во всем, делая погоду в кавказском культурном бытии. Так и просится «где и в чем главенство мужчины в культуре кавказских этносов?». Но на публичной арене наши традиции по-прежнему подчеркивают первенствующую роль мужчины культуре, без тамады, старшего мужчины не обходится ни одно значимое культурное действо. Как оценивать в этой ситуации статус мужчины и женщины в кавказских культурах?

Здесь впору вновь обратиться к гендерологии, ее взглядам и подходам. Она, как известно, субъектно-статусные роли мужчины и женщины рассматривает в предельно широком контексте и историческом генезисе. При этом, не отрицая известного факта, что ампула стража безопасности и главного добытчика пропитания веками обеспечивал мужчине статус главного в культуре, гендерология укажет и на многое другое. В частности, на то, что в культуре (культурах) и поныне жива память о матриархате и что при любых социо-бытийных потрясениях (война, революция, голод, эпидемия, миграция, распад семьи) эта память «всплывает» вновь и вновь, выводя женщину (мать) на первые позиции в жизни и в культуре. Более того, гендерология обратится и к истории культуры, к ее фактам. А здесь всегда много такого, что пока еще не замечено или не оценено в должной мере. Так, уже в 19 веке, после появления швейной машинки рядом с домашним ткацким станком, а затем, и сепаратора молока, сложность и продуктивность домашнего труда женщины возросли настолько, что стали явно превышать аналогичные показатели труда мужчины – крестьянина, еще не затронутого механизацией. Уже эта ситуация выводила женщину на первые позиции культуры (что косвенно выразилось в массовом выходе на арену литературы фигур «белешвейки» и «модистки» в ту пору). Но инерция культуры и ее традиций еще годы и годы противилась признанию и легитимации этого факта. Ныне ситуация иная, все чаще и чаще в роли главной опоры кавказской семьи выступает именно женщина. Но проблема в том, что культурная память и сегодня продолжает сопротивляться свержению кавказского мужчины с пьедестала «главного в культуре». Это проявляется весьма своеобразно, в широком распространении такого поведенческого феномена, который, полагаем, может и должен именоваться «маскирующие гендерные стратегии». Что это значит? Как это понимать?

Женщина, зарабатывая куда больше мужа, поднимая детей без большого мужского участия (или при его полном отсутствии), создает и старательно поддерживает иллюзию будто «все решает муж» и что муж и есть главное лицо в ее семье. Так былое доминирование мужчины в культуре теперь, когда этого ни стало, трансформируется в мифо-символическую форму доминирования (в «симулякр», как сказали бы философы). И вершится это усилиями и стараниями самой же женщины. Почему? Как это понимать? Судя по всему, пока столь значима и действенна культурная память этноса о былом доминировании мужчины в социуме, что даже состоявшаяся женщина вынуждена создавать иллюзию («тень былой культуры»), чтобы прятать за ней «статус главы» в своей семье (хотя всем все известно). Эта ситуация может трактоваться так: женщина может занимать главную роль в семье и пространстве культуры «де факто» и «де юре». Однако условием приятия и одобрения социумом лидерского статуса той или иной женщины является ее публичная приверженность к почитанию былых традиций (т.е. «верность культурной памяти»). Оттуда, изобретение маскирующих гендерных стратегий «культурного такта», следование им. Такова на данном этапе истории гендерная хартия этносов. Но сколько этих маскирующих стратегий у кавказской женщины и какие они (есть и могут быть)?

Однако самое главное здесь в другом. Как видим, традиции имеют не одну, а две жизни. Одна – традиция как обязательная и безальтернативная норма жизни этноса (как было в прошлом). Жизнь традиций в этой ипостаси, увы, зависит от множества привходящих, внешних факторов: политики, религии, идеологии, власти, способных блокировать ее действие (что всем известно по нашей истории). И другая жизнь – традиция, как аспект и элемент культурной памяти. Жизнь традиции в этой ипостаси зависит только от желания и энергии носителей культуры, от качества знаний ими своих традиций и готовности беречь и чтить их. Этнография, увы, лишь скорбит о былом. А с позиции гендерологии именно новые феномены культуры, те же маскирующие стратегии женщин, в целом-«вторая жизнь традиций» (формы и масштабы ее проявления) должна быть в центре внимания этнологии, поскольку это и выражает суть, реальное содержание переживаемого этапа этнического бытия. Столь разнятся позиции этнографии и гендерологии.

В бытии кавказских этносов имеет место и такой гендерный феномен, который вообще не привлекает внимания этнографии, но очень интересен гендерологии. Речь идет об отношениях «конкуренция – солидарность», что присуще жизни каждого этноса, любого социума. В данном случае эти отношения специфичны тем, что явно демонстрируют «гендерную асимметричность». Что это значит и что из этого следует?

Дело в том, что в кавказской мужской среде, как неизменно подчеркивается в этнологии (особенно в работах Б. Х. Бгажнокова), властвует конкуренция, здесь каждый мужчина жаждет победы и доминирования. Объясняется это тем, что сама культура якобы возвращает и почитает мужчин «агонического типа», воспринимающих жизнь как арены и цепь нескончаемых состязаний, в которых надо непременно побеждать, поскольку поражение – это позор.

Однако в женской среде ситуация иная, здесь действующими культурными нормами возвращается другой тип личностных качеств: терпеливость, сдержанность, послушание, доброжелательность, а значит, готовность к компромиссам и к «коллективности» в социальном бытии. Это вполне ожидаемо, если учесть, что кавказская женщина обретает семью, переходя под опеку, в послушание и во власть старшей женщины чужой семьи – семьи мужа. Желательны также хорошие отношения с сестрами мужа и с прочими

его близкими родственницами. Иначе говоря, замужество в кавказском культурном пространстве сопряжено с необходимостью (для выходящей замуж) поддерживать хорошие отношения с женщинами (с женским миром). Особенно ярко «коллективность» кавказских женщин проявляется на аренах традиций (свадьбах, похоронах, гостевых ритуалах), когда индивидуальные, решительные, самостоятельные в реальной жизни, да еще и облаченные серьезной властью женщины («бизнесменки», чиновницы высокого ранга, доктора наук и даже офицеры силовых структур) ведут себя перед старшей женщиной как примерные школьницы. А на иные действия традиций (скажем, на выражение соболезнования) женщины являются только группами и только во главе со старшей женщиной. Но главное для нашего дискурса в другом, как гендерная асимметричность отношений «солидарность-конкуренция» оценивается в этнологии (этнографии) и в гендерологии.

Этнология просто не замечает эту особенность, значения ей не придает. Другое дело – гендерология. Ее интересуют любые формы гендерной асимметрии, поскольку видит в этом проявление внутренних противоречий культуры. А как полагают современные теории, устойчивость культуры тем меньше, чем больше в ней противоречий, к числу которых относится и гендерная асимметрия отношений «конкуренция – солидарность» в этническом социуме. В этом контексте гендерология будет добиваться системного исследования данного феномена. Но это, заметим, отдельная тема, требующая отдельного обстоятельного дискурса.

Приведенный, далеко не исчерпывающий круг примеров показывает, как разнятся портреты кавказских культур в зеркалах этнологии и гендерологии, явно обещая отдачу от их взаимодействия, а значит, требуя интеграции гендерологии, ее идей, методологических подходов в этнологическую науку.

Гендерология как аспект и элемент этнологии – возможности и риски

Обратимся вновь к этнологии. Она являет собой сумму знаний об этносе и его бытии, вырабатываемых всем спектром социально-гуманитарных наук, от истории и экологии до филологии, политологии и психологии. В этом контексте вопрос интеграции гендерологии в этнологию трансформируется в вопрос «об эффекте» (об отдаче, результативности) в той или иной сфере этнологии. Между тем, гендерология еще с 90-х годов «примеривается» к гуманитарным наукам и эффективность ее влияния на ее различные сферы уже имеет контуры, обозначились науки, наиболее успешно использующие принципы и подходы гендерологии. Если оставить в стороне социологию и политологию, которые не могут игнорировать гендерологию (скажем, в анализе проблем неравенства политических, культурных и прочих прав женщин и мужчин, что имеет место в любом обществе), в ряду «активно примеривающихся» к ней – историография, культурология, филология и лингвистика. Именно в пространствах этих наук ныне развиваются процессы синтеза гендерологии и этнологии. И здесь, пожалуй, пока наиболее активны литературоведы (к чему мы еще вернемся) и историки культуры, которые пытаются опереться на гендерологию, формируя новое направление, историческую гендерологию [15,16], что заслуживает внимания и поддержки, судя по насыщенной фактами, монография Сабанчиевой Л.Х. «Гендер в социально-политических процессах Кабардино-Балкарии» [17].

Однако с опорой на гендерологию не все просто, попытки опереться на нее порой чреватны издержками, особенно риском скатиться на феминизм и его идеологию. Чаще всего это случается в исторической гендерологии, что уже получило негативное именование «гендерологизация феминизма» [18]. Справиться с этим явлением не просто, поскольку за ним (явлением) стоят причины, которые уходят корнями в историю и в процессы возникновения и становления самой гендерологической науки.

Дело в том, что начало осмысления гендера, его социально-философских измерений (рождение гендерологии) восходит к трудам философа Симоны де Бовуар, а именно к ее работе «Второй пол», заодно заложившей и основы феминизма. Де Бовуар в этой работе пыталась вскрыть истоки гендерного неравенства в обществе и культуре (то, чем «одержим и болеет» феминизм). В итоге она сформулировала основной вопрос феминизма: «Почему женщина считается вторым полом?» и сама же дала ответ на него. Из ее ответа следовало, что феминистки годами ошибались, видя причины неравного положения женщины в обществе и культуре в экономической сфере и в политике. На самом же деле несправедливое положение женщин в обществе, т.е. «вторичность» женского пола, не имеет объективных оснований, а просто внедрено мужчиной (мужчинами) в сознание общества на глубоком уровне на уровне психологии, стереотипов, мировоззрения [19]. Следовательно, полагала де Бовуар, необходимо создать систему взглядов на мир с позиции женщины. В итоге родилась идеология феминистов – «феминизм». В этом контексте не удивительно, что промахи в проецировании идей гендерологии на научное познание ведут к феминизму. Ведь существует же российская ассоциация исследователей «женской истории» (РАИЖИ). Жанр «женские истории» (а точнее, фабулы о трудном положении женщины в обществе) был популярен на заре становления феминизма, когда публикация подобных историй была по сути главной, если ни единственной формой активности и борьбы феминисток за равенство. Ныне ситуация иная. И, главное, возможна ли женская история в отдельности от общего социально-исторического потока, от общности и слитности женских и мужских судеб? Да и делима ли наука на женские и мужские исследования, если речь всерьез идет о науке? Опасность скатиться к феминизму существует в том же литературоведении, в культурологии, если автор в своем дискурсе теряет беспристрастность. И все же гендерология открывает перед этнологией принципиально новые возможности и тематические горизонты, которые пока ею не затрагивались. Характерна в этом плане коммуникативная культура этноса, ее роль и значимость в этническом бытии, что в этнологии вообще не затрагивается.

Коммуникативная культура как мера этно-гендерного бытия и инструмент его познания

Дело в том, что идеи гендерологии соотносятся не только с социальным и этносоциальным бытием, но и сущностями идеального характера – с политикой, философией, литературой, музыкой, живописью, моралью, этикой, эстетикой, языком, а также со стратегией поведения и коммуникации, что выводит на арену науки (этнологической науки) новые пласты этнической культуры. Типичный пример, гендерная лингвистика, которая исследует каким же образом и на основе каких характерных языковых форм, средств и приемов гендер (пол) и мир гендерных отношений отражается и выражается в языке того или иного социума, того или иного этноса. В этом контексте впору задаться вопросом «Какова она, реальная, а не канонизированная этнографией, коммуникативная культура наших этносов и каков арсенал этой культуры, начиная с вербальных языков, кончая языком тела, танцев, костюма?». А это вновь возвращает нас к публичной коммуникации мужчины и женщины, к ее формам, нормам и сценографии. Этнография усматривает здесь главное, в строгом следовании этике и этикету публичного поведения, а по сути, в соблюдении «эстетики дистанций», канонических форм такта и в опоре на высокие (т.е. салонные) нормы вербального общения. Совсем иной подход у гендерологии – она соотносит гендерную меру со всеми формами и аспектами социокультурного бытия, т.е. понимает коммуникацию предельно широко и включает в ее арсенал наряду с вербальным общением также музыку, танцы, костюм, жесты (их языки), а главное,

видит в особенностях коммуникации значимый фактор и инструмент анализа культуры, ее особенностей.

Начнем с музыки. Случилось так, что конец 18 начало 19 века, т.е. время изобретения и распространения клавишной гармонии, совпало едва ли не с пиком развития кавказских традиционных культур (если учитывать, что вскоре жизненный уклад и культурное бытие этносов были нарушены Кавказской войной). Однако в данном случае примечательно другое, гармонь распространилась в регионе широко, а главное вывела на культурную арену исполнительского искусства женщину – гармонистку, потеснив мужчину, мужские музыкальные инструменты (струнные, духовые, ударные), мужскую тематику и стилистику в музыке. Не с этой ли «гендерной революцией на арене музыки», точнее, на арене культурных традиций связана уникальная особенность танцевальной музыки кавказских этносов, их сложная мелодика, глубокая теплая и волнующая лиричность, а также частая их наполненность некоей тоской? Многие кавказские танцевальные мелодии предстают как настоящие элегии, вызывая глубокие, щемящие чувства. Остается ли (может ли остаться) в настрое танцующих под эти элегии главной забота о рутинных нормах, канонах, дистанциях? Не будет ли в такой коммуникации человек просто захвачен самой магией музыки, вызываемыми ею чувствами? Ведь у абсолютного большинства народов танцевальная музыка являет собой лишь некий вариант «плясовой» и выступает как непритязательный мелодический и ритмический фон народного гулянья – задора, ухарства, озорства. Не более того. Так что, налицо все основания утверждать, что выход горянки на кавказскую музыкальную арену изменил дух и культуру коммуникации «Он-Она». Отныне сдержанный, чинно-былинный мужской кавказский мелос уходит на второй план, уступая арену теплой, чувственной и нежной музыкальной лирике. Не в этом ли «музыкально-гендерной революции» кроется особый колорит, глубина, теплота и многообразие кавказской музыкальной культуры в целом? Именно так видится ситуация с позиции гендерологии, хотя здесь последнее слово, разумеется, за специалистами, этно-музыковедами. Речь идет о проецировании гендерологии на этно-музыковедение, т.е. о системном анализе и осмыслении нашей музыкальной культуры (как формы и элемента коммуникативной культуры) с позиций гендерологии, через ее призму. В этой ситуации ключевым или одним из ключевых становится вопрос «В чем и как в кавказской музыке выражено «женское сердце», а в чем и как «мужская статья и длань»? Но пока в наших этно-музыковедческих исследованиях, похоже, по-прежнему доминирует интерес к былинному, нартиаде, т. е. «к мужскому» в музыке [20].

В надежде, что сие сетование на превалирование «мужского» в нашем музыковедении будет услышано специалистами в этой сфере, обратимся к танцам, к одному из самых доступных языков коммуникации, более того, к ярко индикаторному элементу общения мужчины и женщины «на людях». Да, адыгский танец «къафэ» и его аналоги у других кавказских этносов бесспорно отвечают регламентациям традиций, которые так ценимы в нашей этнографии (этнологии). Кафэ – это образец этикетного, чинного и чопорного танца (что особо ценится в этнографии), чего уже не скажешь про «исламей» или «лезгинку». Она являет собой образец сочетания огненного (в мужской партии) и чувственного (в женской партии) в танце, а по сути форму публичного флирта, полного юмора и нежности. И, наконец, танец «удж» (его аналоги у разных этносов), который являет собой «кричащий выпад» из идиллической картины коммуникации, рисуемой этнографией (этнологией). По сравнению с танцем «удж» вальс, который некогда считался неприличным и не допускался на арены высоких кругов общества, кажется образцом невинности. Ведь «удж» просто ломает так чтимые и возносимые «нормы дистанции» между муж-

чиной и женщиной, да и все мыслимые рамки, правила и нормы кавказского (адыгского) этикета. Руки танцующих сплетены, тела соприкасаются тесно, вербальный обмен между Ним и Ней идет «ухо в ухо», явно исключая любой «надзор именем традиций». Здесь все идет вразрез с канонами этикетности. Не странно ли? Вот здесь в пору вспомнить еще об одном своеобразном элементе нашей культуры (и коммуникации). Речь идет об облегающем (обтягивающем) платье, в то время как свободный крой женского платья куда типичнее для любой традиционной культуры и более распространен на ее арене.

Разумеется, сегодня никого не удивишь облегающим платьем. Но речь в данном случае идет о канонах традиции. Ведь наши культуры афишируют себя как культуры стыда, возвращают у женщины пуританство, стыдливость, но при этом выходное и парадное платье в ее гардеробе – обтягивающее. Не парадокс ли? Чем это вызвано, что за этим стоит? Этнология не задается подобными вопросами, но для гендерологии они принципиально важны, они требуют объяснения. Ведь в ее представлении все в гендерном мире имеет объяснения и «парадокс облегающего платья» – исключение. При этом гендерология данную ситуацию будет рассматривать в предельно широком контексте, вкупе с танцем удж и со странностями в поведении главного женского героя нартского эпоса Сатаней, порой разыгрывающей сцены «стриптиза» (пытаясь пленить милого ее сердцу героя), видя во всем этом противоречия культуры. В культуре, как и в любой сложной системе, всегда имеют место противоречия. Более того, она развивается преодолевая их, находя им выход и разрешение, хотя на смену преодоленным противоречиям приходят новые. Таковы принципы развития культуры. Но если шокирующие противоречия сохраняются веками (как в случае с кафэ «удж», обтягивающим платьем, а также «тенью» на главном женском образе в фольклоре этноса на образе Сатаней) в культуре стыда, наука обязана искать объяснение – так видится проблема в объяснительной гендерологии.

Скажем, корни отмеченных противоречий уходят в особенности процессов культурогенеза, например, в наслоения на кавказские культуры различных паттернов различных культур, с которыми этносы контактировали. История кавказских культур складывалась так, что она соприкасалась и испытывала влияние самых различных культур малой Азии, юга Европы, Ближнего востока и едва ли ни всех участников Великого переселения народов, от скифских племен до тюрко-монгольских народов. Адыгские культуры, как известно, имели контакты с южно-европейскими этносами (греками, например), где сплетение рук танцующих пар (как в танце «удж») – обычное явление, норма. Возможно, и облегающее платье родом из той же Античной Греции, где среди женщин особой популярностью пользовалось так называемое «дорийское платье», характерное тем, что подчеркивало линии бюста, а еще часто оставляло обнаженными плечи и руки женщины. В ту же греческую культуру может уходить и «стриптиз Сатаней», в частности, в сольный греческий женский танец «оса». При исполнении этого шуточного танца женщина якобы пыталась избавиться от осы, забравшейся под ее платье, моментами игриво обнажала части тела или разыгрывала такие порывы. Так под импульсами гендерологии проблематика паттернов и контактных наслоений в кавказских культурах (которая всегда оставалась актуальной, но мало изученной) обретает новую остроту и новое видение.

Мир гендерологии больше, чем мир отношений мужчины и женщины

Гендерология вовсе не ограничивается анализом отношений мужчины и женщины в культуре. Она идет дальше, трансформирует идеи гендерологии на сущности идеального порядка (мораль, этику, философию); пытается выяснить, какого рода и культура женского или мужского, типологизировать ее по гендерному признаку. Уже заявлены списки «женских» и «мужских» культур. Список «женских» возглавляют скандинавские куль-

туры, а мужских – японская. Исследуется в этом плане и русская культура, которую все чаще относят к числу культур с «женским лицом» [21]. К какому же типу в этом контексте относится, например, та же адыгская культура и культуры других кавказских этносов, при том, что в большинстве наших языков грамматический род отсутствует? И еще. Что в артефактах, жанрах и произведениях той или иной кавказской культуры создано мужчиной, а что женщиной? Скажем, в том же фольклоре, мире сказок, пословиц и поговорок. Не станет ли гендерология ключом к «дешифровке» пола автора, какие наши сказки и пословицы придуманы женщиной, а какие мужчиной?

Как видим, этнология может безгранично прирастать гендерологией, ее идеями и подходами, ее «зрением» и интерпретациями и, конечно же, ее аналитичностью. Это актуализируется целым рядом факторов привходящего порядка, переходным состоянием постсоветского социокультурного бытия наших этносов, особенностями ныне переживаемых трансформационных процессов [22, 23], спецификой каждой этнической культуры [24], задачами развития культурно-творческого образования в регионах и роста культуры научно-критической мысли [25, 26]. Однако методологический потенциал гендерологии имеет и такие измерения, которые нами пока не затрагивались, ретроспективные. О чем идет речь? Гендерология являет собой способ пере-прочтения текстов и мета-текстов этнической культуры

Мы уже неоднократно подчеркивали, что синтез литературоведения и гендерологии бесспорно перспективен [27]. Но эта работа только начинается, пока еще не очерчены спектры целей, не выстроены базовые ориентиры и не сформировано проблемное поле синтеза гендерологии и этнического литературоведения. Между тем, здесь давно бытует «больная» проблема, для решения которой оптика гендерологии незаменима. О чем идет речь?

Дело в том, что наивысший подъем (пик) в развитии художественной литературы большинства народов России случился в советскую пору. Соответственно, долгие годы плоды этого этапа трактовались по шаблонам соцреализма, что в 90-е годы обрекло весь этот пласт этно-художественной литературы на отторжение и «погребение в обломках» былой идеологии и политической системы. Это сродни забвению. Заслужили ли такую участь Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев, Али Шогенцуков, Алим Кешоков (и не только)? Не пора ли вернуться к их творениям советского периода-пере-прочсть вне призм и догм былой идеологии, на основе следующего набора герменевтических принципов: «историко-контекстное», «этно-культурное», «этногендерное», «художественно-эстетическое». И соцреализм предписывал свой набор принципов: народность(попроще), идейность (ангажированность бытующей идеологией), объективность (что значило, увы, не видеть жизнь как она есть объективно, а как велит власть). Но в какой мере эти принципы детерминировали этно-литературный процесс, тем более, яркие поэтические таланты этноса? Могла ли следовать восточно-философская мудрость поэзии Гамзатова? Оглядывались ли на соцреализм живописность и энергетика стихов Кулиева или боль растоптанных чувств, чем наполнена поэзия Али Шогенцукова? А вот историко-контекстное, этнокультурное, гендерное и художественно-эстетическое всегда было, есть и будет ориентиром, целью и реальным мерилем любого художественного творения – литературы, живописи, музыки. В этом контексте подлежит пере-прочтению в оптике и логике гендерологии и весь фольклорно-мифологический и культурно-символический мир кавказских этносов.

И в заключение. Проблемы существования этноса в условиях современного сложного и изменчивого мира наиболее болезненно отражаются на ключевом экзистенциальном

элемента этнического бытия и этно-гендерной культуры, на семье, на ее роли и функциях в жизни этноса, на тенденциях ее трансформации в тисках времени (тревожных, заметим), требуя особого внимания и глубокого анализа этнологии. Хочется надеяться, что наш дискурс получит продолжение и развитие в суждениях и анализах этнологов, культурологов и филологов; не останется он без внимания и коллег, занятых изучением современных проблем семьи, ее перспектив.

Список использованных источников

1. *Абаев В. И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, изд. «ИР», 1990. 640 с.
2. *Гадагатль А. М.* Героический эпос нартты адыгских(черкесских) народов. Майкоп, 1987. 406 с.
3. Народы Кавказа(под ред. С. П. Толстова), М., изд. АН СССР, 1960. 622 с.
4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., изд. «Наука», 1988. 544 с.
5. *Шевлоков В. А., Балатоков В. Х.* Синергетическая концепция этноса: постановка проблемы // Сб. научных статей «Мир этноса», Нальчик, изд. «Эль-Фа», 1999. С. 30–57.
6. *Шевлоков В. А.* Этносоциальная эволюция: синергетический аспект // Доклады АМАН, 2005, Т. 7, № 2. 153–161 с.
7. *Бижеева З. Х.* Культурные концепты в кабардинском языке. Нальчик, изд. КБГУ, 1997. 140 с.
8. *Тхагапсоев Х. Г.* Семиозис кавказской поэзии советской эпохи как форма объективации культурного сознания этносов // Регионы России: художественные процессы Нового и Новейшего времени (Сб. научных статей). СПб, «Алетейя», 2002. С. 104–118.
9. *Сююхова Л. М.* Концепт ночи в традиционной адыгской культуре // Вестник Адыгейского государственного университета 2011, № 2. С. 41–47.
10. *Тхагапсоев Х. Г.* Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентичности Кавказа // Научная мысль Кавказа, 2001, № 4. С. 56–64.
11. *Тхагапсоев Х. Г.* Этикет, этика или локальная цивилизация? – к сущностному типу и имени традиционного социокультурного бытия адыгов/кавказцев // Доклады АМАН. 2022. Т. 22, № 2. С. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-2-89-100>
12. Гендер как инструмент познания и преобразования общества (Сб. статей под ред. Ворониной О.А.). М., изд. «МЦГИ-Солтэкс», 2006. 215 с.
13. *Силасте Г. Г.* Гендерная социология и российская реальность. М., Альфа-М, 2016. 640 с.
14. *Тхагапсоев Х. Г., Шадже А. Ю., Ильинова Н. А., Куква Е. С., Тауканова З. Ч.* Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс. М.: Изд-во «Спутник+», 2019. 134 с.
15. *Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетейя, 2007. 496 с.
16. *Текуева М. А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: «Эль-фа», 2006. 260 с.
17. *Сабанчиева Л. Х.* Гендер в социально-политических процессах Кабардино-Балкарии. Нальчик, КВИГИ, 2016. 156 с.
18. *Адибекян Н. О.* Историзм гендерологизации феминизма // Вестник Саратовского государственного университета, 2009, № 1. С. 150–157.
19. *Симона де Бовуар.* Второй пол. СПб. Изд. «Алетейя», 1997. 832 с.
20. *Ашхотов Б. Г.* Музыкальная Нартиада: опыт исследования. Нальчик: Принт Центр, 2020. 380 с.

21. *Зарецкий Е.* Феминность / маскулинность: кросс-культурный анализ на примере России и ФРГ. Электронный ресурс <https://www.researchgate.net//Femininity>.
22. *Тхагапсоев Х. Г.* К особенностям социального бытия современной России // *Философские науки*, 2007, № 9. С. 48–66.
23. *Тхагапсоев Х. Г.* Этноэтатизм как инобытие Российского федерализма // *Научная мысль Кавказа*. 2002. № 3. С. 25–33.
24. *Тхагапсоев Х. Г.* Коммуникативные особенности бесписьменных культур // *Научная мысль Кавказа*. 2000. № 2. С. 46–52.
25. *Тхагапсоев Х. Г.* Парадигмальный подход в образовании: к проблемам становления // *Педагогика*, 2014, № 5. С. 8–17.
26. *Сапунов М. Б., Тхагапсоев Х. Г.* Культура критического дискурса о высшем образовании и науке // *Высшее образование в России*, 2018, Т. 27, № 7. С. 20–27.
27. *Тхагапсоев Х. Г.* Увидеть культуру из ее потайных уголков – во имя культуры (рецензия на монографию Л.Ф. Хараевой и З.А. Кучуковой «Гендер и этногендер». Нальчик: «Принт Центр». 2018. 192 с.) // *Докл. Адыгской (Черкесской) международной академии наук*. 2021. Т. 21, № 3. С. 91–98. DOI: 10.47928/1726-9946-2021-21-3-91-98

Поступила 15.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 12.12.2022.

Об авторе:

Тхагапсоев Хажисмель Гисович, доктор философских наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (360004, Кабардино-Балкарская Республика г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), ORCID 0000-0001-5778-5265, SPIN-код 9020-2220, garsara@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. *V. I. Abaev* Izbrannye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura. [Selected works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, ed. «IR», 1990. 640 p.
2. *A. M. Gadagatl'* Geroicheskij epos narty adygskih(cherkesskih) narodov [Gadagatl' A.M. The heroic epos of the Narts of the Adyghe (Circassian) peoples]. Maikop, 1987. 406 p.
3. *Narody Kavkaza* (pod red. S. P. Tolstova) [Peoples of the Caucasus (under the editorship of S. P. Tolstov)]. M., ed. Academy of Sciences of the USSR, 1960. 622 p.
4. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII veka* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. M., ed. Science, 1988. 544 p.
5. *V. A. Shevlov, V. H. Balatkov* Sinergeticheskaya koncepciya etnosa: postanovka problem [Synergetic concept of ethnos: statement of the problem // *Sat. scientific articles «World of ethnos»*]. Nalchik, ed. «El-Fa», 1999. P. 30–57.
6. *V. A. Shevlov* Etnosocial'naya evolyuciya: sinergeticheskij aspect [Ethno-social evolution: synergetic aspect]. *Doklady AMAN*, 2005, vol. 7, № 2. P. 153–161.
7. *Z. H. Bizheva* Kul'turnye koncepty v kabardinskom yazyke [Cultural concepts in the Kabardian language]. Nalchik, ed. KBGU, 1997. 140 p.
8. *H. G. Thagapsoev* Semiozis kavkazskoj poezii sovetskoj epohi kak forma ob'ektivacii kul'turnogo soznaniya etnosov [Semiosis of the Caucasian poetry of the Soviet era as a form of objectification of the cultural consciousness of ethnic groups]. *Regions of Russia: Artistic Processes of Modern and Modern Times (Collection of scientific articles)*. St. Petersburg, «Aletheya», 2002. P. 104–118.
9. *L. M. Sijuhova* Koncept nochi v tradicionnoj adygskoj kul'ture [The concept of the night in traditional Adyghe culture]. *Bulletin of the Adyghe State University* 2011, № 2. P. 41–47.

10. *H. G. Thagapsoev* Lektonicheskiy tip kommunikacii i problema civilizacionnoj identichnosti Kavkaza [Lektonic type of communication and the problem of civilizational identity of the Caucasus]. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2001, № 4. P. 56–64.
11. *Kh. G. Tkhangapsoev* Etiquette, ethics or local civilization? – to the essence and name of the traditional socio-cultural life of the Circassians/Caucasians. *Adyghe Int. Sci. J.* 2022. Vol. 22, No. 2. P. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-2-89-100>.
12. Gender kak instrument poznaniya i preobrazovaniya obshchestva (Sb. statej pod red. Voroninoy O.A.) [Gender as an instrument of cognition and transformation of society (Collection of articles edited by Voronina OA)]. M., ed. «MCGI-Soltex», 2006. 215 p.
13. *G. G. Silaste* Gendernaya sociologiya i rossijskaya real'nost' [Gender sociology and Russian reality]. M., Alfa-M, 2016. 640 p.
14. *H. G. Thagapsoev, A. YU. SHadzhe, N. A. Il'inova, E. S. Kukva, Z. CH. Taukanova* Determinaciya gendera etnicheskim faktorom: kavkazskij diskurs [Determination of gender by the ethnic factor: Caucasian discourse]. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2019. 134 p.
15. *N. L. Pushkareva* Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteyya, 2007. 496 p.
16. *M. A. Tekueva* Muzhchina i zhenshchina v adygskoj kul'ture: tradicii i sovremennost' [Man and woman in the Adyghe culture: traditions and modernity]. Nalchik: «El-fa», 2006. 260 p.
17. *L. H. Sabanchieva* Gender v social'no-politicheskikh processah Kabardino-Balkarii [Gender in the socio-political processes of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, KBIGI, 2016. 156 p.
18. *N. O. Adibekyan* Istorizm genderologizacii feminizma [Historicism of the genderologisation of feminism]. *Bulletin of the Saratov State University*, 2009, № 1. P. 150–157.
19. Simona de Bovuar [Simone de Beauvoir]. *Second floor*. SPb. Ed. «Aletheia», 1997. 832 p.
20. *B. G. Ashkhotov* Muzykal'naya Nartiada: opyt issledovaniya [Musical Nartiada: research experience]. Nalchik: Print Center, 2020. 380 p.
21. *E. Zareckij* Feminnost' /maskulinnost': kross-kul'turnyj analiz na primere Rossii i FRG [Femininity/masculinity: cross-cultural analysis on the example of Russia and Germany]. Electronic resource <https://www.researchgate.net//Femininity>.
22. *H. G. Thagapsoev* K osobennostyam social'nogo bytiya sovremennoj Rossii [On the peculiarities of the social life of modern Russia]. *Philosophical Sciences*, 2007, № 9. P. 48–66.
23. *H. G. Thagapsoev* Etnoetatizm kak inobytie Rossijskogo federalizma [Ethnoetatism as the Other Being of Russian Federalism]. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2002. № 3. P. 25–33
24. *H. G. Thagapsoev* Kommunikativnye osobennosti bespis'mennyh kul'tur [Communicative features of non-literate cultures]. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2000. № 2. P. 46–52.
25. *H. G. Thagapsoev* Paradigmal'nyj podhod v obrazovanii: k problemam stanovleniya [Paradigm approach in education: to the problems of formation]. *Pedagogy*, 2014, № 5. P. 8–17.
26. *M. B. Sapunov, H. G. Thagapsoev* Kul'tura kriticheskogo diskursa o vysshem obrazovanii i nauke [Culture of critical discourse on higher education and science]. *Higher education in Russia*, 2018, V. 27, № 7. P. 20–27.
27. *Kh. G. Tkhangapsoev* See culture from its hidden corners-in the name of culture (Review of the monograph by L. F. Kharaeva and Z. A. Kuchukova «Gender and Ethnogender». Nalchik: Print Center. 2018.192 p.). *Reports Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences*. 2021, vol. 21, No. 3. P. 91–98. DOI: [10.47928/1726-9946-2021-21-3-91-98](https://doi.org/10.47928/1726-9946-2021-21-3-91-98)

Submitted 15.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 12.12.2022.

About the author:

Khazhismel Gisovich Tkhangapsoev, Doctor of Philosophy, Professor of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (173, Chernyshevsky st., Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic), ORCID 0000-0001-5778-5265, SPIN 9020-2220, gapsara@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.